разные анекдоты о нашем Л*⟨енце⟩». В марте—апреле 1776 г. Ленц через Мангейм и Франкфурт совершил путешествие в Веймар и Берк. Здесь после некоторых эскапад произошла его размолвка с другом юности Гете; возможно, по настоянию последнего в конце ноября 1776 г. Ленц принужден был оставить Веймар. Ленц держал себя как гений. Однажды он явился на придворный бал в маскарадном костюме «домино». Подобные странности прощались талантливому человеку. Гете писал фрау фон Штайн, что поведение Ленца вызвало «лихорадку смеха». Однако Карамзин описывает такое происшествие, которое не могло не прекратить смех при дворе: «С самого своего приезда Л*⟨енц⟩ объявил себя влюбленным во всех молодых, хороших женщин и для каждой из них сочинял любовные песни. Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончине сестры своей: он написал ей на сей случай прекрасные стихи; но не преминул в них уподобить себя Иксиону, дерзнувшему влюбиться в Юпитерову супругу. — Однажды он встретился с Герцогинею за городом, и, вместо того чтобы поклониться ей, упал на колени, поднял вверх руки, и таким образом дал ей мимо себя проехать. На другой день Л*⟨енц⟩ всем знакомым разослал по бумажке, на которой нарисованы были Герцогиня и он сам, стоящий на коленях с поднятыми вверх руками».[21] Карамзин вполне понимал, что Ленц в этот момент вовсе не был безумным, просто жизнь его — поэзия и поэтическая фантазия владеет его существом.

1 июля 1789 г. Карамзин посетил «известного автора и книгопродавца» Х. Ф. Николаи, которого он, согласно Ленцу, должен был «остерегаться». Однако, вопреки всем устрашениям, Николаи встретил его «С такой ловкостию, с такой учтивостию, какой бы нельзя было ожидать от немецкого ученого и книгопродавца». Карамзин знал о полемике, развернувшейся на страницах «Berlinischen Monatsschrift» по поводу связи католицизма с орденом иезуитов. Николаи объяснил Карамзину, что «дух католицизма не терпит никакой свободы в умствованиях и налагает цепи на разум». Карамзина, кажется, не особенно убедили аргументы Николаи, и он задал Николаи относительно «колкого ответа доктора Бистера господину Гарве» следующий вопрос: «Но зачем с такой жестокостию писать против некоторых почтеннейших мужей Германии, для того единственно, что они сомневаются в существовании тайных иезуитов и в том чтобы католики могли ныне быть опасны протестантам?» Кажется, Карамзин очень разочарован «толерантностью» берлинских просветителей (что уже было и с Ленцем): «Где искать терпимости, если самые философы, самые просветители — а они так себя называют — оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они?»[22]

---

[21] Там же С 79
[22] Там же С 38